

В известном африканистическом издательстве Р. Кёппе (Кёльн) с интервалом в два года появились описания двух малоизученных языков банту Восточной Африки – гусии и курия. Речь идет о двух близкородственных языках, входящих в одну языковую зону и имеющих индексы Е.42 (гусии) и Е.43 (курия) по классификации М. Гасри. Языки распространены на соседних территориях: курия в юго-западной Кении и северо-восточной части Танзании; гусии – в юго-западной части Кении, в провинции Южная Ньянза. На данных языках говорят этносы гусии (абагусии) и курия (абакурия). Их соседями являются бантуязычные народы, говорящие на языках логоли, ната, занакки, а также народы, говорящие на нилотских языках (луо и др.). Общее число говорящих на курия в 2003 г., по данным автора, составляло несколько более 440 тыс. человек. Число говорящих на гусии значительно выше. По данным Дж. Камменги, в настоящее время на гусии говорят от 1 до 1.5 млн. человек. Определенный интерес представляет рост числа говорящих на этих языках в течение нескольких последних десятилетий. В большей степени это относится к языку гусии, число говорящих на котором увеличилось с 250 тыс. в 1956 году до 1.5 млн. чел. в настоящее время. И это происходит несмотря на сильное влияние соседних языков – луо, суахили (государственный язык Кении и Танзании), английского, что само по себе вызывает многочисленные изменения в языке, особенно у молодого поколения (так, Дж. Камменга пишет, что никто из его информантов гусии от 12 до 30 лет не знал старые названия месяцев). С другой стороны, сами информанты отмечают определенный интерес носителей к своему родному языку. Несмотря на то, что язык гусии малоизвестен, он играет большую роль в жизни Кении.

Один из первых исследователей языка гусии В. Вайтли писал о незначительных диалектных различиях в гусии, характерных как для фонетики, так и для грамматики и лексики. Дж. Камменга, напротив, выделяет в гусии диалект южный мугиранго, который заметно отличается от всех других вариантов/диалектов языка (северный мугиранго, гетуту, бассии и др.); при этом автор отмечает, что наиболее “аутентичным” гусии в глазах носителей является вариант гетуту. В области фонетики различия касаются инвентаря фонем. Так, в южном мугиранго представлена аффриката *ɕ*, в то время как в других диалектах ей соответствует *s*. В области лексики для лексемы ‘мяч’ су-

ществуют разные варианты: *emboombo* (в южном мугиранго) и *omopiira* (в гетуту), причем, последняя лексема является заимствованием, и вполне вероятно, в языке употребляются оба варианта – исконный и заимствованный.

В основе настоящего описания языка курия Дж. Камменги лежит вариант/диалект ньябааси (Nyabaasi), на котором говорят также представители племен кира, иреге, ренчока.

В своих описаниях языков гусии и курия, и прежде всего гусии, Дж. Камменга в значительной степени опирается на работы В. Вайтли, которого он считает своим учителем в этой области, однако, с другой стороны, полемизирует с ним по многим вопросам. Так например, определенные сомнения вызывают у Дж. Камменги минимальные пары, иллюстрирующие противопоставление по долготе-краткости в гусии. Дж. Камменга считает примеры не вполне корректными, так как в них не учитывается видимое вмешательство тонов. Опровергается также утверждение В. Вайтли, что наречия не имеют морфологических показателей – ни префиксов, ни суффиксов. Дж. Камменга обращает внимание и на другие неточности в интерпретации В. Вайтли различных явлений, считая при этом, что подобная критика оправдана стремлением к более адекватному описанию языка.

Граматики языков гусии и курия Дж. Камменги являются достаточно полными монографическими описаниями. Обе работы строятся по единому композиционному плану. В силу этого факта, а также генетической и типологической близости этих языков представляется вполне разумным сделать общий обзор основных положений данных монографий.

Большое внимание в работах уделяется анализу фонетики, фонологии и морфонологии (порядка 200 страниц). Определяется инвентарь фонем, формулируются многочисленные морфонологические правила, реализующиеся в языках в различных морфосинтаксических позициях. В данном разделе представлена и просодика, исчерпывающаяся анализом тональной системы. Дж. Камменга дискутирует с английским лингвистом В. Вайтли по поводу тонов, считая положения последнего недостаточными и отчасти не вполне корректными. Однако и свои собственные исследования в этой области он считает недостаточными и предварительными, требующими в дальнейшем специального глубокого анализа. Дж. Камменга ссылается также на работы Д. Оддена, пристально занимающегося про-

блемами тонологии, в частности, и на материале языков Восточной Африки.

Раздел "Морфология" содержит анализ основных разрядов слов, включая имя существительное, прилагательные, местоимения, числительные, глагол и наречия. С нашей точки зрения, представляется не вполне оправданным неравномерное внимание, уделяемое автором различным разделам книги (и разрядам слов). Так, если в языке курия описание фонетики и фонологии занимает более половины всего объема, в гусии – третью часть, то анализ имени существительного со всеми многочисленными проблемами, включая морфологический, согласовательный и семантический аспекты, укладывается всего в 40–50 страниц.

Набор именных классов (ИК), предлагаемый Дж. Камменгой для обоих языков, несколько отличается от набора, принятого другими исследователями, например, В. Вайтли. Дж. Камменга вводит несколько подклассов (1b, 9a, 10a) и особый класс (21), отсутствующий в традиционной системе К. Майнхофа. М. Гасри и других бантуистов. По нашему мнению, дополнения эти не вполне оправданы, так как префиксы существительных, дающие основания исследователю выделять подклассы 9a (*en-*) и 10a (*cin-*), являющиеся алломорфами префиксов классов 9 (*e-*) и 10 (*ci-*), условия реализации которых определяются контекстом. Тем более представляется неоправданным выделение класса 21 с префиксом *n'a* (*nya*), так как этот традиционный бантуский класс в других языках имеет совсем иную морфологию и семантику. С нашей точки зрения, имена с префиксом *n'a* (а также с префиксами *ke-/ge*, *bul/bo*) относятся к классу 9a (не путать с именами на *en-*, входящими в 9 кл.), поскольку имеют согласовательную парадигму, полностью (за исключением базового имени) совпадающую с парадигмой класса 9. В плане семантики речь идет об особой группе имен, включающей имена собственные, прозвища людей или домашних животных по внешнему виду (масти, форме рогов, их наличию или отсутствию и проч.), а также топонимы. В частности, такая интерпретация данных классов содержится в работах [Аксенова, Топорова 1994; (рук.)].

Большое внимание в обеих работах Дж. Камменги уделено проблемам деривации. Анализируются основные средства деривации, включая префиксацию, суффиксацию, редупликацию и т.д., и их использование применительно к различным разрядам слов.

Вызывает сожаление отсутствие в монографиях раздела "Синтаксис", но, очевидно, автор не ставил себе такой задачи в данном случае.

Разделы, посвященные глаголу в языках гусии и курия, содержат описание глагольных

форм самых различных грамматических и деривационных разрядов, отличающееся полнотой охвата материала и скрупулезностью анализа.

В монографии выделяются глагольные формы, служащие для выражения морфосинтаксических значений. К этим разрядам форм относятся субъектные и объектные местоименно-согласовательные показатели глагола, а также аффиксы, служащие для выражения пассивного залога и значений актантной деривации, таких как каузатив, аппликатив, реципрок, декаузатив, рефлексив.

Наиболее системный характер имеет описание инвентаря глагольных форм аспектуальности, времени и наклонения. В соответствии с линейным характером форм аспектуальности, времени и модальности в языках банту при описании данных форм не проводится подразделения форм по категориальному признаку – на видовые, темпоральные и модальные. Описание построено как перечисление рядов (или серий) парадигм, основанных на признаке лично-числового спряжения. Особенно полно и многообразно представлена парадигматическая система форм аспектуальности, времени и модальности в гусии. Аспектно-темпорально-модальная система форм гусии уникальна в том отношении, что при относительно небольшом числе аффиксов, участвующих в образовании форм, инвентарь аспектно-темпорально-модальных (синтетических) форм, образованных на основе многочисленных и разнообразных комбинаций аффиксов и различающихся также тонами, насчитывает более ста пятидесяти единиц. Все эти формы с приписываемыми им значениями зарегистрированы в монографии Дж. Камменги. Для видо-временной системы глагола гусии характерно большое число форм с полисемантическими многовариантными планами содержания, и наряду с этим многие формы служат для выражения одних и тех же значений. Монография построена таким образом, что в большинстве случаев глагольные словоформы приводятся вне контекста синтаксических конструкций или дискурса. Если предположить, что значения некоторых из таких синонимичных форм включают какие-то синтаксические или модальные признаки, реализующиеся в условиях синтаксического или прагматического контекста, то наличие более обширного иллюстративного материала могло бы еще более точно раскрыть содержание ряда форм.

В монографии большое внимание уделяется рассмотрению систем маркированного в глаголе субъектного и объектного согласования и местоименного субъекта и объекта. В параграфе, посвященном объектным показателям,

приводятся многочисленные примеры глагольных форм с цепочками объектных показателей. В работах авторов, ранее занимавшихся проблемой объектных показателей глагола на материале языка гусии, отмечались формы с двумя объектными показателями. В рецензируемом описании впервые в истории изучения гусии демонстрируются глагольные словоформы с тремя и даже четырьмя объектными показателями. Судя по данным, приводимым Дж. Камменгой, линейный порядок объектных показателей не является жестко фиксированным и связанным с реализацией определенных дейктических или ролевых значений. Объектные показатели, занимающие одну и ту же линейную позицию и имеющие одно и то же дейктическое значение, могут выражать различные ролевые значения, и, напротив, одно и то же ролевое значение может быть выражено посредством показателей, занимающих различные линейные позиции. При отсутствии примеров, в которых глагольные словоформы употребляются в различных синтаксических и дискурсивных контекстах, трудно определить, что именно является фактором, влияющим на реализацию определенного ролевого значения объектного показателя, и что является ориентиром для слушающего при определении того, какое ролевое значение говорящий приписывает тому или иному объектно-му аффиксу.

В монографии содержится описание элемента, который в русскоязычной бантуистике обозначается как “начальная гласная” префиксов существительных, а в англоязычной литературе как “augment”. Начальная гласная существительных ряда именных классов в гусии имеет способность опускаться в определенных случаях и рассматривается многими лингвистами как значимый элемент-аффикс. При этом тип синтаксических конструкций и тип дискурса играет немаловажную роль при выборе варианта префикса с или без начальной гласной. В работе Дж. Камменги существительные, противопоставленные по наличию/отсутствию начальной гласной именного префикса, рассматриваются в связи с принадлежностью имени к определенному именному классу и в связи с лексическим значением существительного. Такой подход несколько сужает диапазон значений, выражаемых существительными с начальной гласной и без нее.

Впрочем, автор рецензируемых описаний не ставит своей задачей всестороннее исследование планов содержания глагольных форм, но концентрирует внимание на плане выражения, а именно, на особенностях морфонологических процессов, происходящих при комбини-

ровании аффиксов различных разрядов в рамках одной глагольной словоформы.

Описание морфологии, и в частности, описание видо-временной системы глагола гусии, проведенное Дж. Камменгой, является продолжением и дополнением работы выдающегося британского африканиста В. Вайтли [Whiteley 1960]. Работа В. Вайтли явилась основой, на которую ориентировался Дж. Камменга. Дж. Камменга самым тщательным образом регистрирует обнаруженные им расхождения между данными, содержащимися в работе В. Вайтли, и данными, полученными им самим в ходе работы с информантами, проводившейся через тридцать с лишним лет после исследований В. Вайтли, корректирует неточности и пополняет сведения, отсутствующие в работе его предшественника.

Отмеченные расхождения относятся главным образом к тоновой характеристике ряда глагольных форм, для которых тон играет роль грамматического смысловозначительного элемента. Некоторые расхождения отмечены и в определении семантического содержания некоторых форм. Правда, сам Дж. Камменга замечает при этом, что в ряде случаев расхождения могут объясняться особенностями идиолектов носителей языка. Заметим, что с нашей точки зрения, расхождения, о которых говорит автор описания, могут объясняться также изменениями, появившимися в языке народа гусии за довольно значительный период времени, разделяющий работы этих исследователей. Тем более, что народ гусии находится в тесной географической близости и в тесном контакте с носителями нилотского языка луо.

Сам автор считает свой труд по описанию языков гусии и курия далеко не полным и требующим дальнейшей доработки и уточнений во многих областях.

Несмотря на высказанные замечания и некоторые уточнения, факт появления двух грамматик близкородственных языков Восточной Африки – гусии и курия – Дж. Камменги является важным событием для бантуистов и может служить полезным стимулом для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенова, Топорова 1994 – *И.С. Аксенова, И.Н. Топорова*. Язык курия. М., 1994.
Аксенова, Топорова (рук.) – *И.С. Аксенова, И.Н. Топорова*. Грамматика языка гусии. М. (рук.).
Whiteley 1960 – *W.H. Whiteley*. The tense system of Gusii. Kampala, 1960.

И.С. Аксенова, И.Н. Топорова